

Guzaliya S. Khaziyeva-Demirbash

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Healing-Protective Personal Names in Traditional Tatar Culture

Voprosy onomastiki, 2017, Volume 14, Issue 3, pp. 72–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.023

Language of the article: Russian

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

Лечебно-защитные личные имена в традиционной татарской культуре

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 72–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14. 3.023

Язык статьи: русский

DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.023
УДК 811.512.145'373.23 + 39(=512.145)

Г. С. Хазиева-Демирбаш
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Россия

ЛЕЧЕБНО-ЗАЩИТНЫЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ТРАДИЦИОННОЙ ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются характерные для татарской культуры личные имена, направленные на защиту детей от болезней, невзгод, смерти. Опираясь на фольклорно-этнографические материалы, автор выделяет в этом антропонимическом корпусе два основных типа: имена, не предполагающие проведения обряда, и имена, исторически связанные с теми или иными обрядовыми действиями. К первому типу в статье отнесены «останавливающие», «защитно-пожелательные» и «отвращающие» («плохие») имена; второй тип представляют антропонимы, связанные с обрядами переименования или продажи ребенка. Как показано автором, в сознании носителей татарского языка имена первого типа нацелены главным образом на то, чтобы «остановить» смерть (*Туктамыш*, *Туктар*, *Туктасын* и т. п. — от глагольной основы *тукта-* ‘остановись’) или защитить ребенка путем присвоения ему имени с компонентами *тимер* ‘железо’ (*Минтимер*, *Тимербай*), *булат* ‘сталь’ (*Айбулат*, *Булат*, *Тимербулат*), *таш* ‘камень’ (*Бикташ*, *Ташибай*, *Ташлыяр*); с целью защиты используются также имена с негативной семантикой (*Сасык* ‘Вонючий’, *Яман* ‘Плохой’ и т. п.). В рамках второго типа автор, во-первых, выделяет имена с компонентами *мин* и *кал* ‘родинка’: *Миңлебулат*, *Миңлегали*, *Миңлебикә*; *Калтикә*, *Калыстан* и др. — исторически подобные имена нередко были связаны с «обрядовым» переименованием ребенка. Во-вторых, к этому же типу отнесены имена, отражающие обряд «продажи»: *Сатар* ‘Продаст’, *Сатубал* ‘Купи’, *Сатубалды* ‘Купил’ и т. п. Как показано в статье, все рассмотренные разновидности татарских лечебно-защитных имен имеют параллели в других тюркских языках, т. е., вероятно, восходят к древнетюркским номинативным моделям.

© Хазиева-Демирбаш Г. С., 2017

К л ю ч е в ы е с л о в а: татарский язык, татарская культура, татарские личные имена, антропонимика, лечебно-защитные имена, обряд переименования ребенка, обряд продажи ребенка.

Личные имена — неотъемлемая «часть вербального (языкового) кода традиционной народной культуры» [Толстая, 2008, 253], хранящая многовековое культурное наследие народа. В настоящей статье вниманию читателя представлено исследование, посвященное одному из особых классов татарской антропонимии — лечебно-защитным личным именам.

В традиционной татарской культуре закрепились обряды, включающие представления о личных именах и «манипулирование» ими. Это связано с верой людей в то, что имя — часть души, т. е. с его изменением изменяется и сама сущность человека. Поэтому личные имена могут являться элементами обрядов, которые направлены на лечение человека от болезней или на его защиту от тех или иных неблагоприятных обстоятельств.

Начать, однако, нужно с того, что имянаречение является одним из важнейших механизмов включения новорожденного в «свою» или «чужую» культуру. По убеждению Т. В. Топоровой, «мифологическое осознание имени как внутренней субстанции проявляется в некоторых культурно-исторических традициях, в которых наречение именем новорожденного принимает форму отгадывания его сущности» [Топорова, 1996, 6]. С получением имени человек становится объектом семиосферы — существом, которое может быть узнано, выделено в кругу других людей. Тем самым получение имени знаменуется выходом из обезличенного состояния — в тюркских языках, например, этот процесс связан с образом существа *Атсыз (Безымянный)*, которое наделено свойствами нечеловеческой природы.

В отечественной науке изучению обрядов имянаречения и связанной с ними лексики посвящены работы многих лингвистов и этнографов: В. Д. Бондалетова [1983], А. К. Байбурина [1993], Н. И. Толстого [1997], А. В. Юдина [1997], О. И. Фоняковой [1990], С. М. Толстой [2008], С. Е. Никитиной [2009] и др. В тюркологии к данной проблеме обращались М. Шакир Улкутраш [Ülkütraş, 1976], И. Шахин [Şahin, 2015] (турецкий язык), Ш. Жапаров [2009] (киргизский язык), Т. Ж. Жанузак [2004] (казахский язык), Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. Н. Шитова и Ф. Ф. Фатыхова [Башкиры], Т. Кусимова и С. Бикколова [Кусимова, Бикколова, 2005], Г. Р. Батыршина [2008], Ф. Г. Хисамитдинова [2009] (башкирский язык) и др.

Не является исключением на этом фоне и татарская ономастика: исторически сложившиеся особенности татарских личных имен в семантическом, структурном и функциональном аспектах освещены в монографии Г. Ф. Саттарова [1990]; в работах Х. Ч. Алишиной [1999] и Ф. Г. Гильфановой [2005] рассмотрен обряд имянаречения у сибирских (тюменских и тобольских) татар. В то же время в татарской антропонимике пока не предпринимался комплексный анализ

языковых и этнолингвистических особенностей лечебно-защитных личных имен в различных локальных вариантах культуры. В этом смысле предпринятое нами исследование в определенной мере восполняет существующий пробел.

Фактологической базой статьи послужили полевые записи автора, собранные в фольклорно-диалектологических экспедициях, а также материалы серии «Сокровищница научных экспедиций», опубликованные Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан [МММ]. В статье рассматриваются как сам обряд имянаречения, так и личные имена, обеспечивающие трансляцию мифопоэтической модели мира; в антропонимическом корпусе выявляются имена, обладающие лечебно-защитными функциями.

Как свидетельствуют собранные нами материалы, в татарской языковой культуре можно выделить два основных типа лечебно-защитных личных имен. С одной стороны, это имена, которые обычно даются без обрядового сопровождения, с опорой на предполагаемую силу самого имени («останавливающие», «защитно-пожелательные» и «отвращающие» имена); с другой стороны, это имена, нередко включаемые в определенный обрядовый контекст. В статье мы последовательно рассматриваем эти типы, их основные разновидности и локальные варианты, по мере возможности привлекая сходные факты, засвидетельствованные у других тюркских народов.

1. «Останавливающие», «защитно-пожелательные» и «отвращающие» личные имена

В рамках этого раздела мы объединяем лечебно-защитные имена, наречение которыми в татарской культуре не обязательно связано с проведением тех или иных обрядовых действий. Как отмечалось выше, существование таких имен обусловлено главным образом верой в магическую силу самого имени.

«Останавливающие» имена

В татарском антропонимиконе имена этого типа образованы от глагольных компонентов, семантика которых чаще всего связана с мотивом предотвращения смерти ребенка. Так, сибирские татары, если в семье умирали дети, нарекали новорожденных именами с глагольным компонентом *тукта-* ‘остановись’: *Туктар*, *Туктарбикә*, *Туктасын*. В культуре томских татар с той же целью используются личные имена *Бакмас* ‘Не посмотрит’, *Туктамыш* ‘Остановившийся’, *Туктар* ‘Остановится’ и др. Чтобы дети не умирали, астраханские татары давали им имена *Балтабай*, *Куwandык*, *Сатыбал*, *Сатыбалды*, *Свйөндөк*, *Тимерулат*, *Туктагол*, *Туктамыш*, *Туктар* и др.; татары Рязанской области использовали для этой цели имена арабского происхождения: муж. *Бакый*, жен. *Бакыйа* а ‘Вечность’.

В тюркском этнокультурном пространстве защитные имена, образованные от глагольных компонентов, распространены довольно широко. Так, у казахов

известны имена *Токтамыс* 'Он остался', *Токтар* 'Остается', *Токтасын*, *Турсын* 'Пусть останется' и др. [Жанузак, 2004, 101]. В башкирской антропонимической системе также нередко встречаются личные имена с подобным смыслом: *Дурсун* 'Пусть живет', *Торок* 'Живой', *Торсон* 'Пусть останется', *Тосонай* 'Пусть живет', *Турсун* 'Пусть живет' и др. [Кусимова, Бикколова, 2005, 195]. Выявляются имена данного типа и в турецком антропонимиконе: *Durak*, *Duran*, *Durmuş*, *Dursun* — от основы *dur-* 'стой, остановись'; *Yaşar* — 'Будет жить' [Kibar, 2005, 25]. Следует отметить, что имена с семантикой «остановки» не всегда направлены на предотвращение смерти ребенка: так, если в турецкой семье постоянно рождались мальчики, то новому ребенку могли дать имя *Yeter* — букв. «Хватит», *Yeterkız* — букв. «Хватит + девочка» [Там же, 26].

«Защитно-пожелательные» имена

Лечебно-защитные имена, с одной стороны, давались с целью испугать нечистые силы, избавить ребенка от недугов, а с другой стороны — «придать» ребенку свойства реальных живой или неживой природы. Так, в татарской культуре, желая ребенку жизненной стойкости, крепости, силы, родители называют его именем, содержащим компоненты *тимер* 'железо' (*Минтимер*, *Тимербай*, *Тимербулат* и др.), *булат* 'сталь' (*Айбулат*, *Булат*, *Тимербулат* и др.), *таш* 'камень' (*Бикташ*, *Ташбай*, *Ташлыяр*, *Ташмөхәммәт*).

Если говорить о локальных вариантах татарской культуры, то, например, у сибирских татар в качестве пожелания ребенку крепости и силы также использовались имена с компонентами *тимер* 'железо' и *таш* 'камень': *Тимербай*, *Тимербәк*, *Тимергали*, *Тимерхан*, *Ташпулат*, *Таштимер* и др. У кряшен и мензелинских татар тоже зафиксирован обычай наречения детей именами с компонентом *тимер*: *Минтимер*, *Тимергали*, *Тимерүк*, *Тимершәех* и др. Иногда наречение подобными именами сопровождалось несложными обрядовыми действиями — например, если в семье умирали дети, то у вновь родившегося ребенка пуповину подрезали топором (т. е. «железным» предметом) и называли новорожденного *Балтабай* — букв. «Топор + богатый»: «Кайсы кеше баласы тормаганда кендеген балта белән аптырган, атын Балтабай куйган» <Когда дети умирали, новорожденного пуповину резали топором. Называли ребенка Балтабай> (Татарстан, Альметьевский р-н, д. Минлебай). У астраханских татар зафиксирован обычай брать колыбельку и вещи ребенка в семью, где умирают дети, и называть новорожденного именем *Биктимер*¹. Имена, связанные с названиями металлических предметов или камней, распространены у башкир [Кусимова, Бикколова, 2005, 199], известны они и в турецкой культуре (*Taştan* — 'Из камня' [Kibar, 2005, 31]).

¹ Имя *Биктимер* наряду с другими именами, направленными на защиту детей от болезней и смерти, зафиксировано уже в надгробных эпитафиях XIII–XIV вв. [Надиев, Мәрҙәнов, 2015].

Обсуждаемая традиция сформировалась, по всей видимости, еще в далеком прошлом. В древнетюркском этнокультурном пространстве необходимый для литья оружия металл — железо (*temür*) — считался самым «возвышенным» материалом. Железо упоминается во многих легендах о происхождении древних тюрков — в них оно символизирует мощь, силу, о чем свидетельствует и древнетюркская пословица *Kök tämür kärü turmas* «Закаленное железо не будет лежать без применения» [Махмуд ал-Кашгари, 1, 302]. Поэтому уже в древнетюркскую эпоху существовали личные имена *Baj Temür, Eltemür, Esan Temür, Temür Tuqa* [ДТС, 533].

«Отвращающие» личные имена

В татарской антропонимической системе «отвращающие» («плохие») личные имена образованы от слов с негативной семантикой: *Сарымсак* ‘Чеснок’, *Сасык* ‘Вонючий’, *Яман* ‘Плохой’ и др. Этот способ защиты ребенка от злых сил в прошлом использовался также у башкир: имеющие негативный смысл имена *Ямак, Яман, Яманбикә, Ямангол, Яманкай, Яманкыз, Ямансары* сохранились в составе многих башкирских фамилий [Кусимова, Бикколова, 2005, 196]. По свидетельству Т. Жанузак, подобная традиция существовала и у казахов: «Если ребенка назовешь худым, непривлекательным именем, то будет жить долгие годы и никакой беды со стороны не будет» [Жанузак, 2004, 101]. Поэтому в прошлом в казахском языке бытовали такие имена, как *Жаман, Жаманбай* ‘Плохой’, ‘Худой’, *Ултарак* ‘Стелька’, *Шулгаубай* ‘Богатый портянками, чулками’ и т. п. В настоящее время подобные имена не встречаются, но они сохранились в составе казахских фамилий [Там же].

2. Имена, предполагающие обрядовый контекст

С именами этого типа в татарской культуре связаны представления о специальных обрядовых действиях — переименовании или продаже ребенка с целью его защиты.

Переименование ребенка

К этому способу в татарских семьях прибегали в нескольких случаях: если дети постоянно умирали; если ребенок сильно заболел; если на его теле появились родимые пятна.

Переименование в татарском языке называют *исем алыштыру*, в локальных вариантах культуры — *исем авыштыру, исем алыштыру, исем бозу* (средний диалект; говоры сибирских и пермских татар): «Пала тоуган суж мәчелес йийыллар, исемен атаган Сәгыйтнур тәп по. Азан эйтеп колагына өч мәртәбә өрәсен. Пашлап уң колагына, анан суң колагына. Позалар исемен. Нур тәп йөртәләр» <Собирают меджлис, ребенка нарекают Сагыйтнуром. Читают молитву — азан,

три раза шепчут на правое ухо, затем на левое. Меняют имя. Начинают называть Нуром> (Новосибирская обл., Барабинский р-н, д. Новокурупкаевка).

Переименование используют в народной медицине и другие тюркские народы. У башкир, например, если ребенок много плачет или болеет, оно сопровождается следующим обрядом: после испечения хлеба голову младенца (очень редко — младенца целиком) засовывают в теплую печь, заставляют ребенка поплакать в дымоход [Хисамитдинова, 2009, 42].

В татарской культуре переименование ребенка нередко связано с обрядом *мин боздыру* (букв. «порча родинки»), который является специальным магическим средством от сглаза, болезней, невзгод. Особенно часто этот обряд используется в том случае, когда ребенок долго болеет, — после обряда его нарекают личным именем с компонентом *мин* или *кал* ‘родинка’.

Этот смысловой компонент заслуживает отдельного комментария.

По мнению татарского ономатолога Г. Ф. Саттарова, компонент *мин* ‘родинка’ (*минле* ‘с родинкой’) придает имени красоту и изящество [Саттаров, 1990, 23], которые раскрываются, например, в составных татарских личных именах *Миңлебанат*, *Миңлебулат*, *Миңлевәли*, *Миңлеғали*, *Миңлеэхәт* (муж.); *Миңлебанат*, *Миңлебаян*, *Миңлебикә*, *Миңлегөл*, *Миңлеәсма* (жен.) и др.

С этим трудно не согласиться, однако практически у всех тюркских народов подобные имена выполняют не столько эстетическую, сколько защитную функцию. Часть таких имен можно отнести к пожелательным: например, в казахской культуре, нарекая ребенка именем с компонентом *миң*, родители желают ему счастья, успехов, удачи в жизни [Кульдеева, 2001, 100]. Эту же цель преследуют имена с компонентом «родинка», функционирующие в других тюркских языках [см.: Жанузак, 2004; Kibar, 2005; Жапаров, 2009; Kurbanov, 2; Şahin, 2015]. Неудивительно, что в тюркских языках имена с компонентами *мин* и *кал* очень популярны, ср.:

— дохристианские чувашские имена: *Минетер*, *Минпалат*, *Минтукан*, *Минтукка*, *Минхевер*, *Минюкка* (муж.); *Минесук*, *Минесылу*, *Минкка*, *Минккей*, *Эминкке* (жен.) [Петров, 1988, 23];

— киргизские имена: *Калбай*, *Калдыбәк* — давались новорожденным с черным родимым пятном [Жапаров, 2009, 15];

— турецкие имена (*бен / хал* ‘родинка’): *Бенли* < *бен* + *-ли* ‘с родинкой’; *Бенлиоглу* < *бен* + *оглу* ‘сын с родинкой’; *Халдар* < *хал* + *-дар* ‘с родинкой’; *Халы* < *хал* + *-лы* ‘с родинкой’ [Kibar, 2005, 45];

— у башкир считалось, что если ребенок не назван личным именем с компонентом *мин*, то все его тело покроется родимыми пятнами; если планировалось имя без этого компонента, но ребенок родился с родинкой, то его сразу переименовывали [Кусимова, Бикколова, 2005, 201].

Таким образом, лексические компоненты со значением ‘родинка’ используются в тюркском именовании — в том числе в локальных вариантах татарской

культуры — в описательном и символическом значениях. В то же время имена с этими компонентами нередко предполагают те или иные обрядовые действия.

Татарский обряд *мин боздыру*, направленный на исцеление и защиту ребенка, имеет некоторые различия в локальных вариантах культуры. Так, заказанские татары, совершая этот обряд, готовили пшеничную кашу, ставили горшок на печку, из дымохода опускали ложку и произносили магическое заклинание: «Исемен алыштырам, Миннегол булсын. Кашык төшердем, саулыгын бирсен, дип» <Меняю имя, пусть будет Миннегол. Опустил ложку, чтобы выздоровела> (Татарстан, Арский р-н, д. Ключи-Сап); кашу затем отдавали птицам. Нукратские татары производили подобное обрядовое действие весной: кричали новое имя в шесток печи, ложку дарили повитухе, а детей нарекали именами *Миңнэхмэт*, *Миңсылу* и т. п. К обряду прибегали также в случае, если ребенок слишком много плакал: «Сытак булса, әйтәләр, исеме килешми микән, диләр, исемен алыштырык диләр» <Если ребенок плаксивый, говорили, что имя не подходит, необходимо было менять имя> (Удмуртия, р-н Балезино, д. Гордино).

Похожим образом постоянно плачущего ребенка переименовывали и в культуре пермских татар: «Йылак, олан булса, исемен алыштыралар. Минем малаем Шәйхулла, исемен алыштырып кашык төшерделәр морйадан Минкәт итеп. Гөлзәмингә Миңзифа дип исем салдырдым» <Меняли имя, если плаксивый ребенок. Моего сына зовут Шайхулла, поменяв имя, с шестка печи опустили ложку. Назвали Минкет. Гулзамин переименовал Минзифой> (Пермская обл., Октябрьский р-н, д. Тушбаш).

У сибирских татар больного ребенка или ребенка с родимыми пятнами клали в печку и кричали в дымоход новое имя с компонентом *миң*. Печка в этом локальном варианте татарской культуры считалась оберегом, а дымоход — местом проникновения в дом мифологических сил.

В антропонимиконе сибирских татар параллельно с компонентом *миң* 'родинка' функционирует синонимичный компонент *кал*, представленный в именах *Калпикә*, *Калы*, *Калыстан*, *Миңкальши* и др. С подобными именами связан обряд, при котором место родимого пятна натирают кровью только что заколотого животного: «Йаңа суйган малның канын сөртү кәрәк калыга Исеме Калпикә, Калыстан пулаты, Калы тип паспуртыма да йасып куйатылар» <Нужно натереть на родинку кровь животного. Назвать его Калпике, Калыстан, Кал> (Тюменская обл., р-н Яркау, д. Тарган).

Крещеные татары обрядовое действие *мин боздыру* проводят в бане, где льют на камни воду до образования пара, произнося при этом имена *Миней*, *Минәй*, *Миңкәш*: это, по их убеждению, способствует исчезновению родинки.

Продажа ребенка

Этот обряд проводится с целью запутать, обмануть злых духов; после обряда ребенка называют личным именем с компонентом *сат*, указывающим на факт

купли-продажи: *Сатукай*, *Сатыбал*, *Сатый* и т. п. Например, в ревизских сказках томских татар начала XVIII в. нами были обнаружены отглагольные имена *Сатар* 'Продаст', *Сатубал* 'Купи', *Сатубалды* 'Купил'.

Как можно судить по диалектно-этнографическим текстам крещеных татар, в ходе обряда три раза кричали через окно о продаже ребенка, а затем, тоже через окно, передавали его «покупателю» и говорили: «Баланы сатып алдым. Тэрэздән эбилек бирде. Ишектән үзем алдым. Йедегә йелдермәсен, Алтыга алдырмасын, Минең шикелле карт булсын, Бәхетле булсын, тәүфыйклы булсын!» <Я купил ребенка. Из окна бабка дала. Пусть станет как я, будет счастливым и воспитанным> (Республика Марий Эл, Парангинский р-н, д. Куянавыл). При этом нередко подчеркивали, что продают ребенка дешево; далее этот ребенок жил в своей семье, но считался ребенком покупателя.

У татар, проживающих в Новосибирске, тоже существовал обряд продажи новорожденного: «Олгайса паланы пер пашлыктан сатып ала. Көннәк пәрәпме, ней бәрәп. Пала сау кала» <Если женщина рождает уже в возрасте, то она якобы продает ребенка какой-либо бабушке. Дарит ей на платье или что-нибудь, чтобы ребенок был здоровым> (Новосибирск, Куйбышевский р-н, д. Шагыр). Смысл обрядового действия продажи ребенка сводился к его выкупу. Проданный ребенок, по мнению родителей, — чужой для них, поэтому он не интересуется обозленных на родителей злых духов.

«Торги» происходили на сакральной границе — у окна. У сибирских татар в роли продавца выступала повитуха, а в роли покупателей — соседи. Однако у астраханских татар ребенка продавал отец. Символичен диалог между «продавцом» и «покупателем»: «Сатам, аламсыз?» — «Алабыз. Хакы ничә сум?» — «Биш сумнан сорыйбыз, күп сорамыйбыз» <Продаю, купите? — Купим. За сколько продаешь? — Пять рублей просим, недорого просим>. Астраханские татары во время обряда продажи ребенка произносили особое заклинание и дарили чай, масло, деньги: «Сатып алганда ырымлап чэй бирәде, акча бирәде. Атын инде Сатыбал куйган» <Во время продажи ребенка дарили чай, деньги. Назвали именем Сатыбал> (Астраханская обл., Приволжский р-н, д. Татарское Башмаково).

В башкирской культуре «продажа» ребенка осуществлялась с помощью повивальной бабки, которая несла новорожденного к многодетной женщине. Эта женщина с младенцем приходила к его родителям и через окно «продавала» им ребенка; они долго торговались (раньше за ребенка отдавали коня, корову, барана, домашнюю птицу, отрез на платье). «Купленных» подобным образом детей в старину нарекали такими именами, как *Һатынал* (*Сатыбал* — букв. «Купи»), *Һатлык* (*Сатлык* — букв. «Проданный, купленный») [Хисамитдинова, 2009, 41]. Являясь одной из разновидностей охранных имен, личные имена с компонентом *сат* (*Сатлык*, *Сатлыкбик*, *Сатыбал*, *Сатыбалды* и др.) присваивались, когда родители через окно отдавали ребенка многодетным соседям; через год, неделю или три дня его «покупали» обратно [Кусимова, Бикколова, 2005, 195].

В турецкой культуре для обряда продажи использовалось специально отведенное место, называемое *Satı Taşı* — букв. «Камень для продажи»: его посещали семьи, в которых часто умирали дети. После посещения этого святого места детей называли *Satılmış* ‘Проданный’, если это мальчик, а если девочка — *Satı* ‘Для продажи’ [Ülkütraş, 1976, 380]. В прошлом подобный обычай, сохранившийся даже после христианизации, существовал и у чувашей [Петров, 1988, 23].

Итак, наше исследование показало, что лечебно-защитное личное имя в татарском языке и этнокультурном пространстве имеет особую прагматику и разными способами соотносено с объектом именованья.

В татарской культуре защита ребенка и забота о его здоровье обеспечиваются, с одной стороны, «останавливающими», «защитно-пожелательными» и «отвращающими» именами, а с другой стороны — именами, которые являются компонентами специальных обрядов. Как показано в статье, все эти виды имен имеют типологические параллели в других тюркских языках и, вероятно, восходят к системе взглядов и верований древних тюрков.

-
- Алишина Х. Ч.* Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюменской области) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Казань, 1999.
- Байбурин А. К.* Нечеловек — человек. Имянаречение // Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. С. 43–46.
- Батыришина Г. Р.* Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2008.
- Башкиры — *Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф.* Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2002.
- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983.
- Гильфанова Ф. Х.* Антропонимия тобольских и тюменских татар середины XVIII–XIX вв. (к проблеме этнической истории). Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2005.
- ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л. : Наука, 1969.
- Жанузак Т.* Есімдер сыры. Алмааты : Гилем, 2004.
- Жапаров Ш.* Адам аттары — эл байлыгы. Бишкек : Текник, 2009.
- Кульдеева Г. И.* Антропонимическая система современного казахского языка. Казань : ДАС, 2001.
- Кусимова Т., Бикколова С.* Башкорт исемдәре. Уфа : Китап, 2005.
- Махмуд ал-Кашгари.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) : в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова ; под ред. И. В. Кормушина ; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. М. : Вост. лит., 2010.
- МММ — Милли-мәдәни мирасыбыз : в 7 т. / төз.-мөх-р Э. И. Сафина. Казан : ИЯЛИ, 2010–2016.

- Никитина С. Е.* Личность и социум. Языковой коллектив и коллективная языковая личность // Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 10–15.
- Петров Л. П.* Из истории чувашских дохристианских имен // Советская тюркология. 1988. № 4. С. 21–25.
- Саттаров Г. Ф.* Татар антропонимикасы. Казан : Казан ун-ты нәшр., 1990.
- Толстая С. М.* Имя // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. С. 353–380.
- Толстой Н. И.* К сравнительному изучению славянской ономастики // Толстой Н. И. Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 378–407.
- Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Фонякова О. И.* Имя собственное в художественном тексте. Л. : ЛГУ, 1990.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Лечебная и охранительная магия башкир (тексты). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- Гадиев И., Мэрдэнов Р.* Мамадыш төбәгенә ташъязма истәлекләре. Казан : Татар. кит. нәшр., 2015.
- Kibar O.* Türk Kültüründe Ad Verme: Kişi Adları Üzerine Bir Tasnif Denemesi. Ankara : Akçağ Basım Yayım Pazarlama A.Ş., 2005.
- Kurbanov A.* Onomastiğin Esasları. 1–2 Cilt. Ankara : Türk Dil Kurumu, 2014.
- Şahin İ.* Adbilim (Çerçeve, Terim, Yöntem ve Sınıflandırmalarıyla). Ankara : Pigem Akademi, 2015.
- Ülkütraş Ş.* Türkiye Türklerinde Ad Verme İle İlgili Gelenek ve İnançlar // I Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri. IV cilt / ed. B. Atalay. Ankara : Millî Folklor Araştırma Dairesi, 1976. S. 370–383.

Рукопись поступила в редакцию 20.06.2017

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
лексикологии и диалектологии
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан
420111, Казань, ул. К. Маркса, 12
E-mail: guzhaz@mail.ru

Khaziyeva-Demirbash, Guzaliya Sayfullovna
PhD, Senior Research Fellow, Department
of Lexicology and Dialectology,
G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan
12, Marksa str., 420111 Kazan, Russia
E-mail: guzhaz@mail.ru

Guzaliya S. Khaziyeva-Demirbash

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Kazan, Russia

**HEALING-PROTECTIVE PERSONAL NAMES
IN THE TRADITIONAL TATAR CULTURE**

The article examines specific Tartar personal names which are supposed to protect children from disease, adversity, and death. Drawing on folklore and ethnographic data, the author distinguishes between the two main types: names that do not require any ritual, and those historically associated with some or other ritual actions. The first type includes “stopping,” “protective-wishful” and “averting” (“bad”) names; the second type is represented by personal names related to the rites of renaming or selling a child. As the author illustrates, Tatar native speakers believe that the former can “stop” death (such as *Tuktamysh*, *Tuktar*, *Tuktasyn*, etc. — derived from the verbal stem *tukta* ‘stop’) or protect the child, like the names with components *timer* ‘iron’ (*Mintimer*, *Timerbay*), *bulat* ‘steel’ (*Aibulat*, *Bulat*, *Timerbulat*), *tash* ‘stone’ (*Biktash*, *Tashbai*, *Tashlyyar*); the names with a negative meaning (like *Sasyk* ‘Smelly’, *Yaman* ‘Bad,’ etc.) are also considered to have protective impact. The latter type is exemplified, firstly, by names with the components *min* and *cal* meaning ‘birthmark’: *Mielebulat*, *Migaleali*, *Milelebik*; *Kalpik*, *Kalystan*, etc. — historically formed and often associated with the “ritual” renaming of the child. Secondly, the same type includes names reflecting the rite of “sale”: *Satar* ‘will sell,’ *Satubal* ‘buy,’ *Satubaldy* ‘bought,’ etc. As the article shows, all the considered varieties of Tatar healing-protective names have parallels in other Turkic languages, which means they may date back to the Old Turkic nominative patterns.

К е y o r d s: Tatar language, Tatar culture, Tatar personal names, anthroponymy, healing-protective names, ritual of renaming a child, ritual of selling a child.

- Alishina, Kh. Ch. (1999). *Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie onomastikona sibirskikh tatar (na materiale Tiimenskoi oblasti)* [Historical and Linguistic Study of the Onomasticon of Siberian Tatars (a Case Study from the Tyumen Region)] (doctoral dissertation summary). Kazan: Tyumen State University, 1999.
- Batyrshina, G. R. (2008). *Terminologiya rodnogo obriada bashkir (etnolingvisticheskii analiz)* [Terminology of the Bashkirs Birth Rite (an Ethnolinguistic Analysis)] (doctoral dissertation summary). Ufa: IIIaL UNTs RAN, 2008.
- Bayburin, A. K. (1993). Nechelovek — chelovek. Imianarechenie [A Human — and a Non-Human. On Naming Conventions]. In A. K. Baiburin, *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture. A Structural-Semantic Analysis of East Slavic Rites] (pp. 43–46). Saint Petersburg: Nauka.
- Bikbulatov, N. V., Yusupov, P. M., Shitova, S. N., & Fatykhova, F. F. (2002). *Bashkiry: Etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura* [The Bashkirs: Ethnic History and Traditional Culture]. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya.
- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow: Prosveshchenie.
- Foniakova, O. I. (1990). *Imia sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper Name in a Literary Text]. Leningrad: LGU.

- Gilfanova, F. Kh. (2005). *Antroponimiia tobol'skikh i tiumenskikh tatar serediny XVIII–XIX vv. (k probleme etnicheskoi istorii)* [Proper Names of Tobolsk and Tyumen Tatars in the Mid. 18th–19th Centuries]. Tyumen: Izd-vo Tiumen. un-ta.
- Khadiev, I., & Merdenov, R. (2015). *Mamadysh tebegenen tash"iazma isteleklere* [Epigraphic Records of the Mamadysh Region]. Kazan: Tatar. kit. neshr.
- Khisamitdinova, F. G. (2009). *Lechebnaia i okhranitel'naia magiia bashkir (teksty)* [Healing and Protective Magic of the Bashkirs (Texts)]. Ufa: IIIaL UNTs RAN.
- Kibar, O. (2005). *Türk Kültüründe Ad Verme: Kişi Adları Üzerine Bir Tasnif Denemesi* [Naming in Turkish Culture: An Attempt at Proper Names Classification]. Ankara: Akçağ Basım Yayım Pazarlama A.Ş.
- Kul'deeva, G. I. (2001). *Antroponimicheskaiia sistema sovremennogo kazakhskogo iazyka* [The Anthroponymic System of the Modern Kazakh Language]. Kazan: DAS.
- Kurbanov, A. (2014). *Onomastiğin Esasları* [Theoretical Foundations of Onomastics] (Vols. 1–2). Ankara: Türk Dil Kurumu.
- Kusimova, T., & Bikkolova, S. (2005). *Bashkort isemdere* [On the Name of Bashkortostan]. Ufa: Kitap.
- Makhmud al-Kashgari (2010). *Divan lugat at-turk (Svod tiurkskikh slov)* [A Collection of Turkic Words] (Vols. 1–3). Moscow: Vost. lit.
- Nadelaiev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., & Shcherbak, A. M. (Eds.). (1969). *Drevnetiurkskii slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.
- Nikitina, S. E. (2009). Lichnost' i sotsium. Iazykovoi kollektiv i kollektivnaia iazykovaia lichnost' [Personality and Society. Linguistic Collectivity and Collective Linguistic Identity]. In S. E. Nikitina, *Chelovek i sotsium v narodnykh konfessional'nykh tekstakh (leksikograficheskii aspekt)* [Man and Society in Folk Confessional Texts (A Lexicographic Aspect)] (pp. 10–15). Moscow: In-t iazykoznaniiia RAN.
- Petrov, L. P. (1988). Iz istorii chuvashskikh dokhristianskikh imen [From the History of the Chuvash Pre-Christian Names]. *Sovetskaia tiurkologiya*, 4, 21–25.
- Safina, E. I. (Ed.). (2010–2016). *Milli-medeni mirasybyz* [Our National and Cultural Heritage] (Vols. 1–7). Kazan: IIaL.
- Şahin, İ. (2015). *Adbilim (Çerçeve, Terim, Yöntem ve Sınıflandırmalarıyla)* [Onomastics (Scope, Terminology, Methodology and Classification)]. Ankara: Pigem Akademi.
- Sattarov, G. F. (1990). *Tatar antroponimikasy* [Tatar Anthroponymy]. Kazan: Kazan un-ty neshr.
- Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshch斯拉vianskoi perspective* [Word Space: Lexical Semantics in the Slavic Perspective]. Moscow: Indrik.
- Tolstoy, N. I. (1997). *Izbrannye trudy. Slavianskaia leksikologiya i semasiologiya* [Selected Works. Slavic Lexicology and Semasiology]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Toporova, T. V. (1996). *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskii dvuchlennyye imena sobstvennyye* [Culture as Reflected in the Language: the Old Germanic Binominal Proper Names]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Ülkütaş, Ş. (1976). Türkiye Türklerinde Ad Verme İle İlgili Gelenek ve İnançlar [Traditions and Beliefs About Proper Names of the Turkish Native Speakers]. In B. Atalay (Ed.), *I Uluslararası Türk Folklor Kongresi Bildirileri. IV cilt.* [Proceedings of the 4th International Congress on Turkish Folklore] (pp. 370–383). Ankara: Millî Folklor Araştırma Dairesi.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. İmena sobstvennyye v russkom magicheskom fol'klöre* [Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.
- Zhanuzak, T. (2004). *Esinder syry* [The Mysteries of Proper Names]. Almaaty: Gilem.
- Zhapparov, Sh. (2009). *Adam attary — el bailygy* [The Great Diversity of Proper Names]. Bishkek: Teknik.